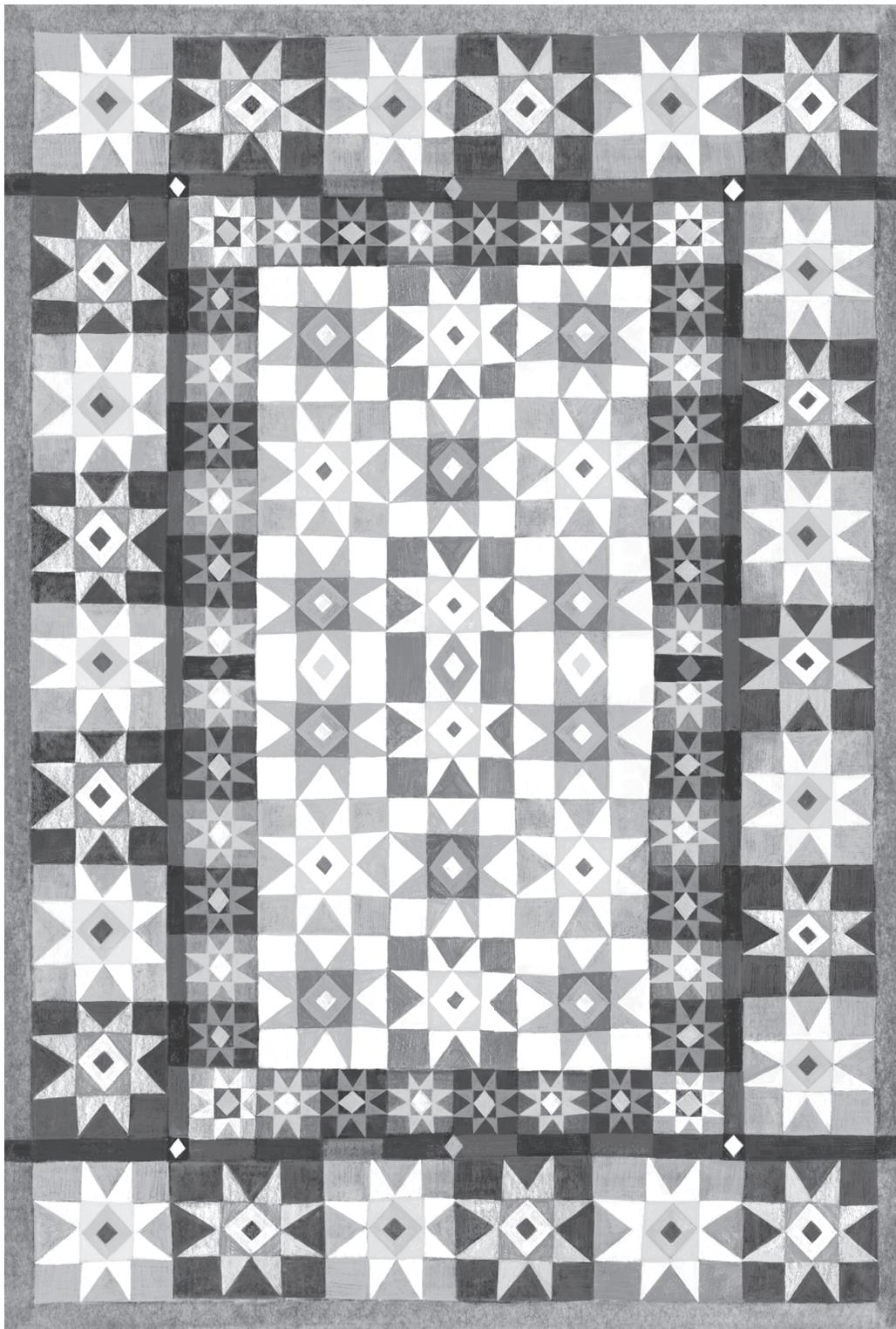

*Моим родителям,
которые показали мне океан.*

ЧАСТЬ 1

Начало истории

Январь 1930

1

Вы пока не очень хорошо знакомы со мной и не знаете, что я очень тихая. Это моя особенность, как и большие ноги, и непослушные кудряшки, которые мелькают на ветру, словно рубиновые молнии, когда я мчусь вдоль берега Атлантического океана. А еще я могу сказать, о чем думает мой старый пес Броди-Медведь, просто заглянув ему в глаза.

Моей старшей сестре Бронте девятнадцать, и она очень шумная. Она, в отличие от меня, не слышит, как звезды поют друг другу в ночной тишине и как волны зовут морских котиков на рассвете. Бронте слишком занята беседами. Вот почему она не знает, что нынешним утром моя любимая серебристая чайка хочет посостязаться со мной — кто быстрее доберется до самого дальнего конца пляжа. Возможно, Броди-Медведь тоже захочет пробежаться.

Наверняка захочет. А вы бы не захотели?

А еще у Бронте есть неоспоримое достоинство — она считает, что люди необязательно должны быть одинаковыми: «Мы как кусочки пазла, которые подходят друг к другу именно потому, что все разные».

Когда моя старшая сестра ходила в маленькую однокомнатную школу*, где сейчас учусь я, она получила приз как лучший оратор. Если найдется хоть малейший повод для дискуссии, она переубедит кого угодно и даже несговорчивые старые рыбаки изменят свое мнение быстрее, чем закинут удочку. «Мальчики И ДЕВОЧКИ должны посещать университет, перед тем как принимать важные жизненные решения», — с такой пламенной речью она выступила на пристани, выбрав именно это место для упражнений в красноречии.

Кто-то запустил в нее рыбой, но Бронте даже не запнулась. Она всегда была сильной. Я очень ею горжусь.

В школе мне приходится нелегко, потому что моя учительница, мисс Уизерспун, не согласна с тем, что молчание — золото. По ее мнению, застенчивость мне не на пользу, а слишком богатое воображение мешает учебе, поэтому я не должна вынимать из ранца мой «Дневник вдохновения». Мама подарила мне его перед отъездом, чтобы

---

* С конца XVIII века и по сей день в маленьких городах, селах и отдаленных районах по всему миру существуют однокомнатные школы, в которых один учитель преподает сразу нескольким младшим классам. (Здесь и далее прим. перев.)

я записывала все, что вижу. Я так и делаю — даже сломала перо у одной ручки и уже исписала половину страниц.

— Тебе нужно проводить больше времени с другими учениками, а не сидеть с этой тетрадкой, — говорит учительница, обнаружив меня на утесе во время перемены, и ее губы вытягиваются в ниточку, тонкую и прямую. — Бери пример с Мэгги Болдуин и постарайся быть более общительной.

Я бы хотела ответить ей: «У меня никогда не было настоящих друзей, и я не знаю, как их завести, но, даже выпади такая возможность, Мэгги — последний человек, которого бы я выбрала».

Мисс Уизерспун считает, что я несуразная и что способностей у меня не больше, чем у песчаной блохи. Конечно, она никогда не произнесет этого вслух, но все читается по ее взгляду.

Еще одна из самых раздражающих особенностей взрослых. Им кажется, что мы понятия не имеем, о чем они думают, но на самом деле мы все знаем.

Всего несколько минут в ее маленьком классе, где дети разных возрастов прижаты друг к другу, как сельди в бочке, — и у меня пересыхает в горле, а руки прямо тянутся записать что-нибудь в «Дневник». Именно в такие моменты у меня рождаются лучшие идеи.

Урок подходит к концу, и, как только мисс Уизерспун звонит в звонок, я выскакиваю за дверь и сбегая по ступенькам. Бегаю я очень хорошо,

словно быстрая аппалуза*, перелетаю через дюны на пути к нашему дому, который уже маячит вдалеке, высоко на скалах. Мои любимые сапоги для сбора моллюсков радостно шлеп-шлеп-шлепают по кромке воды — настолько они счастливы умчаться от мисс Уизерспун.

Каждый день я выбираю новую дорогу, потому что менять привычное — здорово. Я стараюсь запомнить все, что вижу, чтобы потом описать это в своем «Дневнике»: первую снежинку, упавшую мне на нос; промерзший песок, хрустящий у меня под ногами, будто ломкий соленый крекер; серебристую чайку, которая снова пытается меня обогнать.

Мне нравится чувствовать тепло красной шерстяной шапки, которую мама связала для меня, когда еще жила с нами, и я посильнее натягиваю ее на уши.

Уши торчат — еще одна моя отличительная черта.

Мне одиннадцать лет.

И у меня миллион веснушек.

---

* Аппалузы — порода лошадей. Грациозные, быстрые и выносливые, аппалузы отличаются чубарой мастью — пятнистым окрасом.

2

На полпути меня встречает Броди-Медведь. Мой пес бросается вперед, подпрыгивая и виляя хвостом с таким усердием, что едва не запутывается в собственных лапах.

Я долго обнимаю его, прижавшись лицом к его морде, и в этот момент, когда наши сердца бьются рядом, он тихонько скулит, как будто хочет сказать, что очень сочувствует мне из-за моего *школьного невезения*. На случай, если вы не знали, *школьное невезение* — это такая штука, которая приключается почти каждый день, но с Броди-Медведем мне всегда становится легче. Мы вместе мчимся к нашему дому, который стоит высоко на скалах, и взлетаем на крыльцо по скрипучим ступенькам. Дверь, выкрашенная в цвет желтого подсолнуха, приветливо шепчет, что рада нас видеть.

Мой дом куда лучше, чем вы можете себе представить: днем сквозь огромные окна проникает

столько света, что комнаты наполнены солнечными лучами, а ночью все вокруг утопает в лунном сиянии.

В моем доме есть волшебство — и это не просто так. Его строил мой дедушка, а начинал строить еще дедушкин отец, и, поскольку оба они были рыбаками из Старого Света, которые больше разбирались в лодках, чем в домах, каждая доска щедро просмолена, а наша острая двускатная крыша стремительно тянется к небу, как корабельная мачта.

Во время работы они использовали всякие причудливые инструменты, некоторые из них зовут конопатными — вы о таких, наверно, никогда и не слышали: крепежные нагели и деревянные молотки-мушкили. И пусть фундамент у дома чуть кренится, словно его потрепало сильным штормом, но нас невозможно потопить.

Наш дом надежен.

Он крепко врос в скалу.

Я люблю в нем все: серебристо-седые доски его обшивки, словно заглаженные и просоленные морем, его чудные надстройки, появившиеся потому, что мои дедушки постоянно что-то добавляли. Из-за этого у нас и есть теперь две винтовые лестницы. Одна из них, внутренняя, ведет в мансарду, где стоит моя узкая кровать, накрытая лоскутным одеялом со звездами: его мама сшила специально для меня перед тем, как уехала в «Зимние сосны». Проще говоря, моя комната — лучшее место в доме.

Вторая лестница находится снаружи, и по ней можно забраться на ту часть крыши, которую занимает верхняя большая терраса. Если подняться туда в ясный день, когда солнце норовит посоревноваться со мной – кто шире улыбнется, перед вами откроется простор и вы увидите, как вдалеке океан соприкасается с небом.

Но вернемся в дом. Здесь есть еще длинная лестница с перилами, по которым очень весело съезжать вниз (главное – не налететь на гвоздь!), и стенные шкафы, где на дальних полках хранятся свернутые в трубочку морские карты, судовые часы, компасы и маленькие глиняные горшочки со смолой для заделывания щелей.

Ночью, когда волны с шумом бьются о берег, когда ветер срывает с петель ставни, когда соленые брызги просачиваются сквозь оконные сетки, а бельевая веревка вращается, словно чертово колесо, – наше судно остается крепким и безопасным.

Это чудесное чувство – что твой дом защитит тебя от любых невзгод и любого шторма.

Разве кому-то захочется покинуть такое место?

3

Бронте уже замешивает тесто, чтобы приготовить медовый пирог — наше любимое средство от переживаний.

Моя старшая сестра знает, что после очередного тяжелого дня в классе мисс Уизерспун мне нужно немного взбодриться.

— Расскажи-ка, — предлагает Бронте, разогревая на плите чашку меда.

Каждое ее действие продиктовано сложным семейным рецептом, который передавался из поколения в поколение, потому что ничто не облегчает душевную боль лучше медового пирога.

Я качаю головой. Мне не хочется говорить.

Бронте учится в университете. Она хочет стать учительницей, и я думаю, она просто создана для этой работы. В отличие от мисс Уизерспун, моя старшая сестра не считает, что каждого молчаливого ребенка необходимо превратить в болтливую сороку.

У нас обеих волосы цвета осени – насыщенно-медные, темно-каштановые, с багряным отливом и несколькими золотистыми прядями. Когда мы рядом, наши кудряшки так и тянутся друг к другу.

Мою маму звали Лаванда. Она хотела, чтобы у ее дочерей были сильные имена: такие, что помогут пережить даже самую жестокую бурю. Поэтому она назвала меня Харрикейн – «ураган», а мою старшую сестру – Бронте, что по-древнегречески означает «гром». Пусть даже вам покажется это глупым, но поверьте: дополнительная защита не бывает лишней. Любой, кто потерял свою маму так же, как мы, прекрасно знает, что все может пойти под откос в любой момент, стоит только на секунду отвернуться.

Я стягиваю сапоги и оказываюсь в объятиях нашего дома. Здесь, в нашей уютной кухне с длинным деревянным столом, вечно присыпанным мукой, кто угодно почувствует себя лучше.

Бронте ставит передо мной кружку с дымящимся какао, и, пока она взбивает полдюжины яиц, я достаю из ранца свой «Дневник».

Дорогая мама.

Так я начинаю каждую новую запись, и мне не терпится продолжить.

Я дую на какао, вдыхая аромат шоколада, который добавляет Бронте.

Прямо напротив меня черная кухонная плита внушительных размеров. Она уже набита дровами

гикори, которые горят жарче и дольше других, а потому лучше всего подходят, чтобы печь. Рядом с плитой деревянная сушилка для кухонных полотенец, а у дальней стены — холодильный шкаф*, который работники компании «Милый Пруд» еженедельно наполняют льдом.

Немного левее — узкий шкафчик для гладильной доски, куда я, маленькая и худая как спичка, спокойно помещаюсь. Оба наших утюга по стойке смирно стоят у задней стенки плиты, явно недовольные исходящим от нее жаром. Бронте убеждена, что дни чугунных утюгов сочтены, ведь совсем скоро в каждом доме появится электричество.

— Не сегодня завтра, — говорит она, добавляя в тесто корицу. — У Болдуинов уже прокладывают провода.

Она считает, что нам нужен один из этих новомодных холодильников и тостер в придачу. Наша тетя Клэр уже давно приобрела пылесос, так что ей больше не нужно подметать. К тому же в ее роскошном городском доме есть настоящие ваннные комнаты и электрическое освещение.

— Мне и так все нравится, — шепчу я, глядя в окно на нашу маленькую уборную с вырезанным на двери полумесяцем.

Тот, кто потерял свою маму, больше не захочет никаких перемен.

---

* Холодильный шкаф, или кухонный лёдник, — деревянный шкаф с отделением для льда и теплоизоляцией, предшественник привычных нам электрических холодильников.

Мой пес лежит под столом, и я могу потереться ногами о его спину. Броди-Медведь — ирландский сеттер, на носу у него уже проступила седина, но шерсть на спине все еще рыжая, как мои волосы, и очень-очень мягкая.

Бронте всегда говорит: если выдался тяжелый день — надо подумать о чем-нибудь приятном.

Я поднимаю глаза от «Дневника» и пытаюсь сосредоточиться, но в голову не приходит ни единой хорошей мысли. Все, что я вижу, — неодобрительный взгляд учительницы.

— Хочешь, я поговорю с мисс Уизерспун? — спрашивает Бронте, заметив выражение моего лица.

Я медленно киваю.

Еще одно неоспоримое достоинство Бронте заключается в том, что, когда я не могу выдать ни единого слова, она говорит вместо меня.

4

Ранним субботним утром я вылезая из теплой постели, натягиваю свои любимые сапоги и туго застегиваю завязки. Сапоги жалобно скрипят – ведь еще так рано, солнце едва взошло.

– А ну-ка потише! – строго говорю я.

Впереди выходные, так что я не увижу мисс Уилзерспун еще целых два дня. Эта радостная мысль так и подталкивает меня поскорее выбраться на пляж, а Броди-Медведя не надо уговаривать.

Мой ранец, где лежит «Дневник вдохновения», ждет меня на специальном крючке у лестницы. Я подхватываю его и сбегая вниз, перепрыгивая через две ступеньки разом, и ранец с каждым прыжком бьет меня по ноге. И вот уже я распахиваю дверь и оказываюсь на улице.

Такие собаки, как Броди-Медведь, просто обожают гоняться за крабами-скрипачами. Мой пес особенно прыткий, и, когда он носится по песку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru